

Нин Янь наблюдал, как Фурина осторожно берет торт, её кончики пальцев скользили по краю фарфорового блюда. Столовая вилка зависла в воздухе, так и не опустившись на десерт, но вместо этого начала выстукивать ритм по пустой тарелке: динь, динь, динь. Звонкий звук разливался по ресторану, но не казался неуместным — скорее, это напоминало выстукивание сигнала бедствия азбукой Морзе.

Скорость ударов вилки росла, движения становились всё более хаотичными, словно в её груди что-то пыталось вырваться на свободу. Что же это было? Одинокий монолог, который некому выслушать? Или... накопившееся за пятьсот лет желание выговориться?

Нин Янь придержал руку Фурины:

— Госпожа Фурина, если вы будете продолжать в том же духе, то скоро разобьете тарелку.

Ресницы Фурины дрогнули, она подняла голову и посмотрела на Нин Яня.

— Нин Янь... если однажды... я перестану быть божеством, ты всё ещё будешь есть со мной торт?

Нин Янь понял истинный смысл вопроса, скрытый за её словами: «Ты так добр ко мне только из-за моего божественного статуса?»

Нин Янь не ответил сразу. Он протянул руку и стер крем с уголка её рта движением настолько привычным, словно делал это тысячи раз.

— Госпожа Фурина... — он внезапно улыбнулся, и в его глазах отразились только забота и нежность.

— Знаете что? В моих глазах вы вовсе не Богиня вод, народов, земель и законов...

Он немного помолчал, а затем продолжил:

— А просто милая девушка, которая любит котиков, пускает слезу во время театральных постановок, радуется до торчащего хохолка на голове, когда удастся купить торт, и впадает в уныние, если её любимый десерт распродан.

Дыхание Фурины на мгновение замерло, зрачки слегка сузились, словно спокойное глубокое море, пронзенное ярким лучом света.

— Поэтому, даже если однажды госпожа Фурина станет обычным человеком, я всё так же буду сидеть с вами в вашей любимой кондитерской, смотреть, как вы едите торт, буду отдавать вам свою порцию и наблюдать, как маленький хомячок уплетает угощение.

У Фурины покраснели глаза, в уголках блеснули слезы.

— Ты... Хм, ты кого назвала хомячком? — пробормотала она, сдерживая всхлип, а затем через силу улыбнулась. — Тогда все твои торты теперь будут моими, понял? И не вздумай

отказываться!

[Дзинь! Хозяин заставил Фурину почувствовать печаль, замешательство, гнев и радость. Получено 400 очков эмоций]

— Хорошо, хорошо, договорились, всю свою жизнь я буду есть пирожные вместе с госпожой Фуриной.

После того как Фурина доела, они вместе вышли из кондитерской. Перед уходом Нин Янь купил кусочек торта для Цяньчжи.

— Эй, а кому это ты взял торт? — спросила Фурина.

— Это для Цяньчжи.

— Вот как, — щеки Фурины слегка надулись. В сердце возникло странное чувство кислинки, и сама она не понимала, что с ней происходит.

[Дзинь! Из-за действий хозяина Фурина ощутила легкую ревность. Поздравляю, хозяин получил 115 очков эмоций]

Нин Янь не обратил внимания на уведомления системы — в конце концов, нельзя же из-за Фурины забывать про Цяньчжи.

Выйдя с Фуриной из переулка, они подошли к месту расставания. Лучи заходящего солнца залили Двор Фонтейна, растягивая их тени. Теплый свет в конце проулка и густые тени внутри создавали размытую границу.

Настал момент прощания. Фурина медленно достала из кармана маску, двигаясь легко и изящно. Она осторожно развернула её и бережно надела на лицо.

Маска закрыла большую часть лица Фурины, оставляя открытыми лишь яркие глаза и слегка приподнятые уголки губ. В её взгляде сквозила легкая грусть, но в нём было гораздо больше надежды на будущее и уверенности.

Фурина стояла на месте, тихо созерцая Нин Яня, словно пытаясь навсегда запечатлеть его облик в глубине своего сердца. Спустя некоторое время она медленно подняла руку и помахала ему — жест, казалось бы, простой, но наполненный бесконечными чувствами.

Нин Янь смотрел на Фурину, и в его душе поднялась волна невыразимых эмоций. Он хотел что-то сказать, но горло будто сдавило, и звуки не вырвались наружу.

Как раз когда Нин Янь колебался, Фурина внезапно развернулась и быстро зашагала прочь. Её силуэт удалялся и вскоре исчез из поля зрения, словно её там никогда и не было.

Нин Янь продолжил прогулку по улице в одиночестве: — Незаметно пролетело уже столько дней с тех пор, как я попал в этот мир. Начиная с того, что у меня было пусто внутри, я постепенно обрел то, чем дорожу и о ком беспокоюсь.

Ночь сгушалась, на улицах Двора Фонтейна зажглись фонари. Теплые желтые блики разлились по влажной мостовой, напоминая пролитый мед. Нин Янь, засунув руки в карманы, бесцельно брел вперед, подошвы обуви изредка шуршали по опавшим листьям.

— Надо же, сколько времени уже прошло? — он поднял голову к ночному небу. Звезды Тейвата были ярче, чем на его родине, и казались куда более чужими. Те мерцающие точки смотрели на него, прищельца, как тысячи безмолвных глаз. По сравнению с тем, что у меня было в самом начале, сейчас у меня появилось много причин для волнений.

Он остановился под деревом. Порыв ветра принес золотистый лист, который, словно танцующая бабочка, опустился прямо к нему в ладонь. Казалось, сама природа подарила ему этот знак, такой насыщенный и яркий.

Он взгляделся в прожилки листа, и в его сердце отозвалось странное волнение. Золотой цвет напомнил ему о девушке по имени Цяньчжи.

Цяньчжи была для него лучиком света. Её присутствие, как и этот лист, было простым, но обладало неповторимым очарованием.

Он осторожно провел пальцем по текстуре листа, ощущая его хрупкость.

Пусть этот лист задержался в его руках лишь на мгновение, воспоминания и чувства, которые он пробудил, были глубокими. Он решил сохранить этот листок как символ прекрасного времени, проведенного с Цяньчжи.

[Дзинь! Обнаружено, что хозяин испытал трогательные чувства по отношению к самому себе. Получено 100 очков эмоций.]

Вернувшись в Лавку Цяньчжи, Нин Янь осторожно толкнул дверь. Деревянные петли издали тихий скрип, прозвучавший особенно звонко в ночной тишине. Он ступал на цыпочках, крадучись, словно воришка, прижимая к груди торт «Цветок росы» — крем немного осел, но украшающий верхушку засахаренный цветок остался невредим.

— Я вернулся... Цяньчжи? Цяньчжи, посмотри, что я тебе принес.

Внутри царил тьма, и лишь перед рабочим столом горела тусклая лампа. В её свете Цяньчжи свернулась на столе, её каштановые пряди рассыпались по эскизам. В руке она всё ещё сжимала иглу. Нин Янь осторожно забрал иглу, чтобы она не поранилась — на пальцах девушки от ткани остались бледные следы — она уснула.

Он поставил торт, плавно скинул свою верхнюю одежду и, стараясь не шуметь, укрыл спящую Цяньчжи, прислушиваясь к шелесту ткани в тишине.

<http://bllate.org/book/20844/2101759>